

ВЯЧЕСЛАВ КАЛИКИНСКИЙ

ПОСОЛ

Разорванный остров

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
К17

Каликинский В.

К17 Посол : Разорванный остров : [роман] / Вячеслав Каликинский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 326 с. — (Серия «Пальмира — детектив»).

Действие историко-детективного романа «Посол: Разорванный остров» происходит в середине семидесятых годов XIX столетия. Япония, только что отказавшаяся от 300-летней политики самоизоляции, направляет в Россию послом вице-адмирала Энмото Такэаки. Первому в истории двух стран чрезвычайному и полномочному послу предстоит не только заложить основы дипломатических отношений, ему поручены весьма непростые переговоры с Россией по территориальному вопросу.

**УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6**

ISBN 978-5-517-02786-3

© Каликинский В. А., 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

Пролог

— **М**ишель, я хочу попросить вас кое о чем... Только пообещайте мне две вещи: во-первых, непременно выполнить мою просьбу...

— А во-вторых? — Михаил Берг, во все глаза, словно впервые открывая для себя, глядел на трогательные завитки пепельно-русых волос на тонкой девичьей шее, борясь с желанием протянуть руку и потрогать эти завитки. — Говорите, Настенька, не смущайтесь!

Михаил Карлович Берг, двадцатилетний прапорщик Сапёрного батальона, смотрел на свою невесту Настеньку с нешуточным обожанием. Он был готов исполнить любое ее желание. Готовность осчастливить весь мир свойственна всем искренне влюбленным, в эту минуту сердце прапорщика захлестнула волна безудержной щедрости.

Настенька Белецкая искося поглядела на жениха.

— Во-вторых, вы не должны надо мною смеяться, а, самое главное, не думать обо мне скверно. Как о сумасбродке, которая совсем не помнит о приличиях, а только о нарядах.

— Обещаю, Настенька!

— Нет, я и вправду не такая! Честное слово! Но у вас, Мишель, такая оказия, что удержаться просто невозможно! Так обещаете?

— Клянусь!

— Мишель, если вы и вправду, как предполагаете, попадете нынче весною в Париж, то... Не привезете ли вы мне кое-что от мэтра Ворта?

— Мэтр Ворт? А кто это, Настенька? Ваш знакомый? Родственник?

Настенька рассмеялась:

— Глупенький... Впрочем, как и все мужчины... Хотела бы я быть родственницей этого Ворта — как и все дамы и девицы Европы, наверное... Нет, мы не родственники и, к сожалению, не знакомы. Мэтр Ворт — знаменитый французский портной английского происхождения. Кутюрье, как говорят в Париже. О нем много пишут в журналах, Мишель... У него в Париже ателье, так и называется — «От кутюр». А шьет он, как пишут, не только на заказчиц, но и на манекенщиц. Ну, на девиц определенного сложения и телесной конституции, понимаете?

— Пока не очень, Настенька, — хмель от нескольких бокалов шампанского, выпитого Бергом на собственной помолвке, начал выветриваться из головы.

Невеста, мельком глянув на закрытые двери оранжереи, куда несколько минут назад специально утащила жениха, бросилась к нему на шею.

— Мишель, всего одно платье! Привезите мне только одно платье от Ворта, и у вас будет не только самая красивая, но и самая счастливая невеста во всём Санкт-Петербурге! Счастливая и благодарная, Мишель! Ну, пожалуйста! Обещайте мне!

— Ну, разумеется, разумеется — всё, что угодно, Настенька! Вот только смогу ли я угодить? — чувствуя, что от запаха волос невесты голова у него снова начинает кружиться, Берг чуть отстранился, шуточно погрозил пальцем. — Помните, я как-то сопровождал вас в «экспедицию» по галантерейным лавкам? Вы тогда, Настенька, какие-то ленты искали, или пуговицы... Право, теперь и не вспомнить!

— И что же?

Берг рассмеялся:

— Вы тогда, Настенька, какие-то дамские мелочи два часа искали, всех приказчиков в галантерейном ряду на ноги подняли,

покуда нашли... А тут целое платье! Да разве я в дамских платьях хоть что-то понимаю, Настенька? Нет, я, конечно, пойду к этому вашему Вурту, и потребую самое лучшее, не сомневайтесь! Только вот ужогу ли?

— Угодите, если постараетесь, Мишель! Во-первых, я дам вам номер журнала «La mode» с изображением. И снабжу вас... Снабжу вас снятою с меня портновскою меркою — мы ведь уже помолвлены, — это вполне прилично, я думаю когда жених знает пропорции своей будущей жены, не так ли?

Сохраняя на лице добрую улыбку, Берг представил себя в некоем «дамском царстве», выбирающим нужные фасоны платьев... под насмешливыми взглядами приказчиков и посетителей, Чёрт... Неужто Настенька, такая умная девица, не понимает, что есть вещи, делать которые русскому офицеру просто неприлично? Нет, наверное, не понимает... И не поймет: услыхала только про Париж, и вся уже мысленно там... Отказывать и возражать разумеется нельзя, — возьмет и вернет кольцо, с нее станется! Характер-то у моей Настеньки отцовский, железный... Ладно, поглядим...

— Ладно, поглядим, Настенька, — повторил он вслух, снова зарываясь лицом в волосы невесты.

— Обещаете, Мишель? — чуть отстранившись, Настенька подняла голову, требовательно и очень по-детски глядя ему в глаза.

— Слово военного сапёра! — шутливо щелкнул каблуками Берг.

Военная карьера прапорщика Михаила Берга началась пять лет назад, когда отец привез юношу в Санкт-Петербург. Баллов при сдаче экзаменов в Инженерное училище для зачисления не хватило, и Карл Берг, недолго сомневаясь, решил: сыну будет только полезно начать познавать службу с самых азов, со школы вольноопределяющихся.

Мише Бергу, не возражавшего против решения семьи определить его, единственного сына, по военной линии, более всего хотелось стать гвардейским офицером. А еще лучше — гвардейцем-кавалеристом — однако такие расходы для семейства Бергов оказались неподъемными. И он по примеру деда согласился стать сначала военным инженером. А когда не получилось, то сапёрное дело оказалось самым близким к семейной задумке.

Через два года Михаил Берг закончил школу вольноопределяющихся. Подав рапорт, он добыл себе место командира взвода в 7-й сапёрной роте, направляемой в Туркестан. А еще через три месяца

получил первое ранение в ожесточенной скоротечной схватке под Хивой. За ранением последовала и первая награда, потом вторая.

По завершению Туркестанской кампании Берг некоторое время прослужил при штабе наместника Государя, генерала Кауфмана. Однако мирная служба в далеком гарнизоне оказалась молодому подпоручику не по нутру. И он при первой возможности перевелся в Петербург, а там дождался вакансии в Сапёрном Лейб-гвардии батальоне, и в чине прапорщика был зачислен исполняющим должность батальонного казначея.

Мирная жизнь, хоть и в столичном гарнизоне, тяготила молодого офицера. Получив боевой опыт во время Туркестанской экспедиции Кауфмана, он и теперь был готов воевать где угодно и с кем угодно. Тем паче, что жалование младшего офицера в мирное время было мизерным, и даже не играя в карты и не пускаясь во все тяжкие, Берг часто честно делил с денщиком единственную булку с чаем и ложился спать полуголодным.

Большинство прочих младших офицеров из небогатых семей смотрели на такое положение дел философски, делали долги и рыскали по Петербургу в поисках всё новых работодателей. Берг долгов старался не делать, и подавал рапорты всякий раз, как где-нибудь на окраине империи начиналась военная «заварушка». Однако в короткую боевую командировку — снова в Туркестан — удалось вырваться только один раз, да и то на полгода. Вернувшись в батальон, Берг стал ждать новой военной охапки.

Однако новых войн у России пока не предвиделось, и 20-летний прапорщик начал подумывать о женитьбе и неизбежной, как следствие, отставке с военной службы. И тут сама судьба, кажется, пошла ему навстречу: на одном из рекомендованных господам офицерам благотворительных балов Берг был представлен единственной дочери главноуправляющего штабом Корпуса инженеров при Министерстве путей сообщения тайного советника Белецкого, Настеньке.

Отец Настеньки поначалу отнесся к новому знакомому дочери с прохладной и малоскрываемой иронией, и при первом же личном знакомстве затеял технический спор о туннельном строительстве. Однако попытка «срезать» молодого офицера-сапёра не удалась. Михаил Берг смело отстаивал свою точку зрения, а немного погодя по почте прислал Белецкому вырезки из журнальных статей, подкрепленные собственными расчетами. Приятно пораженный технической эрудицией молодого офицера, Белецкий стал всяче-

ски поощрять углубление знакомства своей единственной дочери, а позже, убедившись в серьезности намерений молодого человека, твердо обещал будущему зятю после его выхода в отставку с военной службы достойное место в министерстве путей железнодорожного сообщения.

Словом, партия намечалась вполне достойная. Единственное, что смущало Берга — то, что его собственное семейство было отнюдь не богатым. И будущий брак с дочерью владельца огромных поместий и к тому же, как оказалось, крупного акционера в золоторудной промышленности, мог породить досужие сплетни о «женитьбе на деньгах». Но судьба и тут пошла ему навстречу: зимой отошедшая в мир иной тётушка Берга сделала его наследником вполне достаточного состояния.

И вот ранней весной 1874 года у Михаила Берга и Настеньки Белецкой состоялась помолвка. Свадьбу было решено сыграть по старорусскому обычаю, в декабре. А пока у прапорщика Берга случилась неожиданная, но приятнейшая командировка: командир батальона князь Кильдишев назначил его и еще двух офицеров в сопровождение на лечебные воды в Швейцарию команды выздоравливающих раненых. Сопровождающим было неофициально разрешено использовать недельный отпуск для поездки в Париж. Узнав об этом, Настенька не смогла удержаться и немало озадачила жениха необычным своим поручением, от которого было никак невозможно отказаться!

Глава первая

Ранней весной 1874 года небольшой отряд всадников прибыл в Кагосиму, проделав длинный путь из новой столицы Японии, Токио. Пешие воины, сопровождавшие всадников, бежали впереди кавалькады и разгоняли с пути кланяющихся простолюдинов — ремесленников и торговцев.

У ворот огромного дома военного министра страны Сайго Такамори, год назад вышедшего из правительства, но сумевшего сохранить за собой пост главы военного ведомства, небольшой отряд задержался ненадолго: стража министра была заранее предупреждена об этом визите и получила приказ встретить гостей с почтением.

В покои военного министра, впрочем, вошли только двое из приезжих — министр финансов Окуба Тосимити и самый влиятельный член кабинета министров от клана Тосо, Сасаки Такаюки. Слуги отвели их в помещение для гостей, усадили за низкий столик, женщины-прислужницы начали угощать их чаем. По принятому обычаю, помещение было практически пустым. Кроме столика, в комнате было лишь китё¹. Примерно через час, сочтя отдых при-

¹ Предмет убранства традиционной японской комнаты в богатых домах — сооружение из двух столбиков с перекладиной, на которую вешались разноцветные шелковые ленты — **здесь и далее примечания автора.**